

Священная книга оборотня

Автор:

Виктор Пелевин

Священная книга оборотня

Виктор Олегович Пелевин

Настоящий текст, известный также под названием «А Хули», является неумелой литературной подделкой, изготовленной неизвестным автором в первой четверти XXI века. Большинство экспертов согласны, что интересна не сама эта рукопись, а тот метод, которым она была заброшена в мир. Текстовый файл, озаглавленный «А Хули», якобы находился на хард-диске портативного компьютера, обнаруженного при «драматических обстоятельствах» в одном из московских парков. О срежиссированности этой акции свидетельствует милицейский протокол, в котором описана находка. Он, как нам представляется, дает неплохое представление о виртуозных технологиях современного пиара.

Виктор ПЕЛЕВИН

СВЯЩЕННАЯ КНИГА ОБОРОТНЯ

Комментарий эксперта

Настоящий текст, известный также под названием «А Хули», является неумелой литературной подделкой, изготовленной неизвестным автором в первой четверти XXI века. Большинство экспертов согласны, что интересна не сама эта рукопись, а тот метод, которым она была заброшена в мир. Текстовый файл, озаглавленный «А Хули», якобы находился на хард-диске портативного компьютера, обнаруженного при «драматических обстоятельствах» в одном из

московских парков. О срежиссированности этой акции свидетельствует милицейский протокол, в котором описана находка. Он, как нам представляется, дает неплохое представление о виртуозных технологиях современного пиара.

Протокол подлинный, все печати и подписи на нем присутствуют, хотя неизвестно точное время его составления – верхняя часть заглавного листа с датой срезана при брошюровке и подшивке протокола в папку перед отправкой на хранение в конце календарного года, как требует служебная должностная инструкция. Из протокола следует, что интерес сотрудников милиции был вызван странными явлениями природы в Битцевском парке Южного административного округа города Москвы. Граждане наблюдали над деревьями голубоватое свечение, шаровые молнии и множество пятицветных радуг. Некоторые из радуг были шарообразными (по показаниям свидетелей происшествия, цвета в них как бы просвечивали друг сквозь друга).

Эпицентром аномалии был обширный пустырь на границе парка, где расположен трамплин для прыжков на велосипеде. Рядом с трамплином обнаружены полурасплавленная рама от велосипеда «Canondale Jekyll 1000» и остатки колес. Трава в радиусе десяти метров вокруг трамплина выжжена, причем выгоревшее пятно имеет форму правильной пятиконечной звезды, за границами которой трава не пострадала. Рядом с велосипедной рамой найдены предметы женской одежды: джинсы, пара кроссовок, трусики типа «неделька» со словом «Воскресенье» и майка с вышитой на груди надписью «skuf».

Если судить по фотографиям из протокола, третья буква этого слова больше похожа на кириллическое «И», чем на латинское «U». Можно предположить, что перед нами не анаграмма «fuck», как утверждает в своей монографии М. Лейбман, а слово «скиф». Это подтверждает строка «да, азиаты мы» на спине футболки – несомненная аллюзия на стихотворение А. Блока «Скифы», которого М. Лейбман, судя по всему, не читал.

Среди предметов одежды находился рюкзак с портативным компьютером, о котором уже говорилось в протоколе. Все эти вещи не пострадали, и на них не обнаружено следов огня, что свидетельствует – они были подброшены на место происшествия уже после того, как на траве было выжжено звездообразное пятно. По факту данного события уголовного дела возбуждено не было.

Судьба находившегося (якобы) на хард-диске текста хорошо известна – сначала он имел хождение в кругах оккультных маргиналов, а затем был издан в

качестве книги. Оригинальное название текста показалось непристойным даже нынешним барышникам от книготорговли, поэтому при издании он был переименован в «Священную Книгу Оборотня».

Этот текст не заслуживает, конечно, серьезного литературоведческого или критического анализа. Тем не менее отметим, что в нем просматривается настолько густая сеть заимствований, подражаний, перепевов и аллюзий (не говоря уже о дурном языке и редкостном инфантилизме автора), что вопроса о его аутентичности или подлинности перед серьезным специалистом по литературе не стоит, и интересен он исключительно как симптом глубокого духовного упадка, переживаемого нашим обществом. А псевдовосточная поп-метафизика, шапочным знакомством с которой автору не терпится похвалиться перед такими же унылыми неудачниками, способна вызвать у серьезных и состоявшихся в жизни людей разве что сострадательную улыбку. Хочется уверить москвичей и гостей столицы, что чистота и порядок в Битцевском парке поддерживаются на должном уровне и московская милиция днем и ночью охраняет покой и безопасность прогуливающихся. А самое главное, друзья – чтобы в вашей жизни всегда нашлось место радостной песне!

Тенгиз Кокоев,

майор, начальник О/М «Битца-центр»

Майя Марачарская, Игорь Кошкодавленко

кандидат филологических наук

Пелдис Шарм,

ведущий телепрограммы «Караоке о Главном»

Священная книга оборотня

В чистом безветрии звездных пространств

Много у Господа светлых убранств.

Неизвестный источник

Кто твой герой, Долорес Гейз?

Супермен в голубой пелерине?

О, дальний мираж, о, пальмовый пляж!

О, Кармен в роскошной машине!

Гумберт Гумберт

Клиент, на которого меня нацелил бармен Серж, ждал в Александровском баре «Националя» в семь тридцать вечера. Было уже семь сорок, а такси еле ползло, перемещаясь из одной пробки в другую. Я даже готова была поверить, что у меня есть душа – так муторно на ней было.

– I want to be forever young [1 - Я хочу быть вечно молодым (англ.)], – в который раз пропел по радио Alfaville.

Мне б твои проблемы, подумала я. И тут же вспомнила о своих.

Вообще-то я о них думаю редко. Я только знаю, что они хранятся где-то там, в черной пустоте, и к ним в любой момент можно вернуться. Убедиться лишний раз, что решения у них нет. Если поразмыслить над этим, приходишь к интересным выводам.

Допустим, я решу их. Что тогда? Они просто исчезнут – то есть уплывут навсегда в то самое небытие, где и так хранятся большую часть времени. Будет только

одно практическое следствие – мой ум перестанет вытаскивать их из этой черной пустоты. Так не состоят ли мои неразрешимые проблемы единственно в том, что я про них думаю, и не создаю ли я их заново в тот момент, когда про них вспоминаю?

Самая смешная из моих проблем – мое имя. Она возникает у меня только в России. Но, поскольку я здесь живу, приходится признать, что это очень реальная проблема.

Меня зовут А Хули.

Раньше, при старой орфографии, была возможность хоть на письме уйти от непотребства. Я записывала свое имя «А Хулі». На печати, которую мне подарил в тринадцатом году один петербургский меценат, знавший тайну, оно слито в два знака:

Это интересная история. Первая печатка, которую он для меня заказал, была вырезана на рубине, и все пять букв были совмещены в один символ:

Он подарил мне этот рубин, когда мы катались на яхте в Финском заливе, и я бросила его в воду, как только рассмотрела. Он побледнел и спросил, отчего я его ненавижу. Не потому, конечно, что правда думал, будто я его ненавижу. Просто в ту эпоху в моде были театральные движения души, из-за чего, кстати, случились Первая мировая война и русская революция.

Я объяснила, что все буквы можно наложить друг на друга и разместить на небольшом камне, получится недорого, но тогда непонятно, какая из букв первая. Через день был готов второй вариант, на продолговатом опале – «с таинственным и сумасбродным «АХ», как изящно заметил меценат в стихотворении, приложенном к подарку.

Вот какие люди жили раньше в России. Впрочем, я подозреваю, что он не сам написал стихотворение, а заказал его поэту Кузмину, поскольку после революции ко мне несколько раз приходили накокаиненные пидоры из

чрезвычайки и искали какие-то брильянты. Потом мою квартиру на Итальянской улице уплотнили слесарями и прачками, а у меня самой отняли последнюю опору самоуважения, букву «і». Поэтому коммунистов я не любила с самого начала, еще с тех дней, когда им верили многие светлые умы.

Мое имя на самом деле очень красивое и не имеет никакого отношения к своему русскому смыслу. «А Хули» по-китайски означает «лиса А». По аналогии с русскими именами можно сказать, что «А» – это мое имя, «Хули» – фамилия. Что я могу сказать в свое оправдание? Меня так звали еще тогда, когда слов «а хули» вообще не было в русском языке, и самого русского языка тоже.

Кто мог подумать в те дни, что моя благородная фамилия станет когда-нибудь бранным словом? Имени, кстати, тоже достается, даром, что одна буква. Идешь по улице, видишь очередь и вздрагиваешь: А? Х...й на. Альфа-банк экспресс. Впрочем, говорил же Людвиг Витгенштейн, что в мире есть только имена. Обижаться не на кого.

Мы, лисы, счастливые существа, поскольку у нас короткая память. Мы ясно помним только последние десять-двадцать лет, а все, что было раньше, спит в черной пустоте, о которой я уже говорила. Но оно не исчезает совсем. Прошлое для нас – как темная кладовая, из которой мы можем при желании извлечь любое воспоминание, что достигается особого рода усилием воли, довольно мучительным. Это делает нас интересными собеседницами. Мы многое можем сказать почти по любому поводу; кроме того, мы знаем все главные мировые языки – было время выучить. Но мы не расчесываем болячку памяти без необходимости, и повседневный поток мыслей у нас практически такой же, как у людей. То же касается и нашей рабочей личности – она делает лису неотличимой от бесхвостой обезьяны.

Многие не понимают, как такое может быть. Попробую объяснить. В каждой культуре принято связывать особенности внешности с определенными чертами характера. Прекрасная принцесса добра и сострадательна; злобная колдунья уродлива, и на носу у нее огромная бородавка. Есть и более тонкие связи, которые не так просто сформулировать – именно вокруг них строится искусство живописного портрета. Со временем эти связи меняются, поэтому красавицы одной эпохи часто вызывают у другой недоумение. Так вот, если сказать просто, личность лисы – это тот человеческий тип, с которым у среднего представителя текущей эпохи ассоциируется ее внешность.

Каждые лет пятьдесят или около того мы подбираем под свои неизменные черты новый симулякр души, который предъявляем людям. Поэтому с человеческой точки зрения внутреннее у нас в любой момент тождественно внешнему на сто процентов. Другое дело, что оно не тождественно настоящему, но кто ж это поймет? У большинства людей настоящего нет вообще, а есть только это внешнее и внутреннее, две стороны одной монеты, которую, как человек искренне верит, где-то действительно положили на его счет.

Знаю, звучит странно, но все именно так: чтобы угодить современникам, мы подгоняем себе под личико новое «я», совсем как сшитое по другой моде платье. Прежние отправляются в чулан, и вскоре нам уже надо напрягаться, чтобы вспомнить, какими мы были раньше. А живем мы веселыми пустяками, забавными скоротечностями. Мне кажется, это своего рода эволюционный механизм, задачей которого было облегчить нам мимикрию и маскировку. Ведь лучшая мимикрия – когда становишься похож на других не только лицом, но и ходом мыслей. Впрочем, мимикрия это только для лис. Для человека это судьба.

На вид мне можно дать от четырнадцати до семнадцати – ближе к четырнадцати. Мой физический облик вызывает у людей, особенно мужчин, сильные и противоречивые чувства, которые скучно описывать, да и нет нужды – «Лолиту» в наше время читали даже лолиты. Эти чувства меня и кормят. Вероятно, можно сказать, что я кормлюсь мошенничеством: на самом деле я совсем не малолетка. Для удобства я определяю свой возраст в две тысячи лет – их я могу вспомнить более-менее связно. Это можно считать кокетством – на самом деле мне значительно больше. Истоки моей жизни теряются очень далеко, и припомнить их так же трудно, как осветить фонариком ночное небо. Мы, лисы, не рождались, подобно людям. Мы происходим от небесного камня и состоим в отдаленном родстве с самим Сунь-у-Куном, героем «Путешествия на Запад» (впрочем, не стану утверждать, что все так и есть – никаких личных воспоминаний об этой баснословной поре у меня не осталось). В те дни мы были другими. Я имею в виду, внутренне, а не внешне. Внешне мы с возрастом не меняемся – если не считать того, что каждые сто восемь лет у нас в хвосте появляется новый серебряный волосок.

Я не оставила в истории такого заметного следа, как другие представители моего рода. Тем не менее я упомянута в одном из памятников мировой литературы, и про меня можно прочесть даже по-русски. Для этого надо зайти в магазин «Академкнига», купить книгу Гань Бао «Записки о поисках духов» и найти в ней историю о том, как во времена Поздней Хань наместник Сихая

искал сбежавшего начальника охраны. Наместнику сказали, что того увела нечисть, и на поиски пропавшего был послан военный отряд. Дальнейшее (я ношу с собой этот листок как талисман) я до сих пор не могу читать без волнения:

«...наместник с несколькими десятками пеших и конных, захватив охотничьих собак, стал рыскать за стенами города, выслеживая беглеца. И в самом деле Сяо был обнаружен в пустом могильном склепе. Оборотень же, услышав голоса людей и собак, скрылся. Люди, посланные Сянем, привели Сяо назад. Обликом он совершенно уподобился лисицам, человеческого в нем почти ничего не осталось. Мог только бормотать: «А-Цзы!» (А-Цзы – это кличка лисы.) Дней через десять он постепенно начал приходить в разум и тогда рассказал:

– Когда лисица пришла в первый раз, в дальнем углу дома между куриных насестов появилась женщина, красивая собой. Назвавшись А-Цзы, она стала манить меня к себе. И так было не один раз, пока я, сам того не ожидая, последовал ее призыву. Тут же она стала моей женой, и в тот же вечер мы оказались в ее доме... Встречу с собаками не помню, но рад был как никогда.

– Это горная нечисть, – определил даос-гадатель.

В «Записках о прославленных горах» говорится: «Лиса в глубокой древности была развратной женщиной, и имя ей было А-Цзы. Потом она превратилась в лисицу».

Вот почему оборотни этого рода по большей части называют себя А-Цзы».

Я помню этого человека. Его голова была похожа на желтое яйцо, а глаза казались двумя наклеенными на это яйцо бумажками. Он не совсем точно передал историю нашего романа, да и повествователь заблуждается, говоря, что меня звали А-Цзы. Начальник охраны называл меня «А», по имени, а «Цзы» получилось из звука, который он стал произвольно издавать, когда его жизненность пришла в упадок: во время разговора он с шумом всасывал воздух, словно стараясь притянуть на место отвисшую нижнюю челюсть. Кроме того, неправда, что я когда-то была развратной женщиной, а потом превратилась в лису – такого, насколько я знаю, вообще не бывает. Но все равно, перечитывать

этот отрывок древнекитайской прозы для меня так же волнительно, как для старой актрисы – глядеть на самую раннюю из сохранившихся фотографий.

Почему меня зовут «А»? Один книжник-конфуцианец с наклонностью к мальчикам, который знал, кто я такая, но все равно прибегал к моим услугам до самой своей смерти, придумал интересное объяснение. Мол, это самый короткий звук, который может издать человек, когда ему перестают повиноваться мышцы горла. Действительно, некоторые люди, на которых я насылаю морок, успевают произнести нечто вроде сдавленного «А-а...». Этот конфуцианец даже написал мне дарственную каллиграфию – она начиналась со слов «А Хули ива над ночной рекой...».

Кому-то может показаться, что жить в России и называться А Хули – довольно грустная судьба. Примерно как жить в Америке и зваться Whatze Phuck. Да, имя окрашивает мою жизнь в угрюмые тона, и какой-нибудь из внутренних голосов всегда готов спросить – а х... ты ждала от жизни, А Хули? Но это, как я уже сказала, самая мелкая из моих забот, даже не забота, поскольку работаю я под псевдонимом, а скорее что-то юмористическое – правда, из области черного юмора.

Работать проституткой мне тоже не в тягость. Моя сменщица из «Балчуга» Дуня (известная там как Адюльтера) однажды так определила, чем проститутка отличается от приличной женщины: «Проститутка хочет иметь с мужчины сто долларов за то, что сделает ему приятно, а приличная женщина хочет иметь все его бабки за то, что высосет из него всю кровь». Я не до конца согласна с этим радикальным мнением, но зерно истины в нем есть: нравы в сегодняшней Москве такие, что, если перевести выражение «по любви» с гламурно-щучьего на юридический, получится «за сто тысяч долларов с геморроем». Стоит ли обращать внимание на мнение общества, в котором господствует подобная мораль?

У меня есть проблемы посерьезней. Например, совесть. Но об этом я буду думать в какой-нибудь другой пробке, а сейчас мы уже подъезжаем.

* * *

Цилиндр – это кастовый знак, указывающий на принадлежность к элите, как бы мы к ней ни относились. И если у входа в гостиницу тебя встречает человек в

цилиндре и, низко кланяясь, распахивает перед тобой дверь, тем самым тебя поднимают на такую социальную высоту, что это накладывает серьезные финансовые обязательства перед людьми, которым не так повезло в жизни.

Что сразу отражается в меню. Сев за столик у бара, я углубилась в дринок лист, пытаюсь найти свою нишу среди сорокадолларовых виски и шестидесятидолларовых коньяков (это за сорок-то грамм!). Названия лонг-дринков складывались в остросюжетную повесть: Tekila Sunrise, Blue Lagoon, Sex on the Beach, Screwdriver, Bloody Mary, Malibu Sunset, Zombie [2 - Текильный рассвет, Голубая лагуна, Секс на пляже, Отвертка, Кровавая Мэри, Закат в Малибу, Зомби.]. Готовая заявка на фильм.

Но я заказала коктейль под названием Rusty Nail [3 - Ржавый гвоздь.] – не в честь надвигающейся встречи, как мог бы подумать человек с психоаналитическим складом ума, а из-за непонятного Drambuie, которое входило в его состав вместе со скотчем. В жизни каждый день надо узнавать что-то новое. Кроме того, меню было на двух языках, и по-русски этот коктейль назывался «Расти Наил». Трогательный такой Наил, растет себе где-то в Жмеринке, строит большие планы и не подозревает, что после эмиграции дорога ему одна – в ржавые гвозди... Еще одна заявка: история руссо-американца, уехавшего к огням великой мечты, но попавшего в Prozac. И почему я не в кинобизнесе?

В баре сидели две мои соратницы – Карина из бывших моделей и транссексуалка Нелли, которая перешла сюда из гостиницы «Москва» после ее закрытия. Несмотря на то что Нелли недавно стукнул полтинник, дела у нее шли очень даже ничего. Вот и сейчас она окучивала какого-то галантного скандинава, а Карина в одиночестве дотягивала уже не первую сигарету, это было видно по перемазанному помадой окуркам в пепельнице. Я до сих пор окончательно не поняла, почему так происходит, но происходило это постоянно – Нелли, уродина с комсомольским прошлым, делала больше бабок, чем молодые девочки с модельной внешностью. Причины могли быть разными:

1) западный человек, с молоком впитавший идеалы женского равноправия, не способен отвергнуть женщину из-за возраста или внешнего несовершенства, поскольку в первую очередь видит в ней человека.

2) удовлетворять половую потребность при помощи фотомодели означает для мыслящего западного человека пойти на поводу у идеологов потребительского общества, а это пошло.

3) западный человек ставит социальный инстинкт настолько выше биологического, что даже в таком интимном деле, как секс, заботится прежде всего о наименее конкурентоспособных участниках рыночных отношений.

4) западный человек полагает, что уродина обойдется дешевле и после часа позора останется больше денег на рассрочку по «Ягуару».

Как и велел бармен Серж, я даже не глядела в его сторону. У них в «Национале» все стучат на всех, поэтому вести себя надо осторожно. К тому же Серж в эту минуту был мне малоинтересен, меня больше занимал клиент.

В баре на эту должность было два кандидата: похожий на шоколадного зайца сикх в темно-синем тюрбане и мужчина средних лет в тройке и золотых очках. Оба сидели в одиночестве – очкастый пил кофе, разглядывая сквозь стеклянную крышу четырехугольник двора, а сикх читал «Financial Times», покачивая носком лакированной туфли в такт пианисту, мастерски перегонявшему культурное наследие девятнадцатого века в звуковые обои. Играла прелюдия Шопена, «Капли дождя», та самая вещь, которую исполняет злодей в фильме «Moonraker» при появлении Бонда. Я обожала эту музыку. Ах, не зря Софья Андреевна Толстая, работавшая в последние годы жизни над опровержением «Крейцеровой сонаты», собиралась назвать свой труд «Прелюдии Шопена»...

Лучше бы тот в очках, подумала я. Он явно на «Ягуар» не копит, у него уже есть. Для таких все приключение в том, чтобы потратить деньги, они от этой транзакции возбуждаются больше, чем от всего остального, которого вообще может не быть, если напоить как следует. А вот сикх – серьезная нагрузка.

Я улыбнулась очкарику, и тот улыбнулся в ответ. Вот и славно, уже подумала я, и тут сикх сложил свою финансовую газету, встал и пошел к моему столу.

– Lisa? – спросил он.

Это был мой сегодняшний псевдоним.

- That's right, - радостно ответила я.

А что делать.

Он сел напротив и сразу принялся ругать местную кухню. Английский у него был очень хороший, не такой, как обычно бывает у выходцев из Индии, - настоящее оксфордское произношение, которое своей сухостью чуть напоминает русский акцент. Вместо «fucking» он, словно бойскаут, говорил «freaking», что звучало смешно, поскольку он вставлял это слово в каждое второе предложение. Возможно, браниться ему запрещала религия, был в сикхизме такой пунктик. По профессии он оказался портфельный инвестор, и я еле удержалась от вопроса, где его портфель. Портфельные инвесторы не любят таких шуток. Я это знаю, поскольку каждый третий мой клиент в «Национале» - портфельный инвестор. Не то чтобы в «Национале» было так много портфельных инвесторов, просто я очень юно выгляжу, а каждый второй портфельный инвестор - педофил. Я их не люблю, скажу честно. Это профессиональное.

Он начал с крайне старомодных комплиментов - дескать, не верит в свою удачу, и я похожа на девушку его мечты из голубого детского сна, так он и сказал. И еще что-то в этом роде. Затем он захотел увидеть мой паспорт - убедиться в моем совершеннолетии. К таким просьбам я привыкла. Паспорт у меня был - заграничный и, естественно, фальшивый, на имя «Алиса Ли». Это я сама придумала - с одной стороны, распространенная корейская фамилия, подходит к моему азиатскому личику. А с другой - как бы намек: «Алиса ли?» Сикх пролистал его очень внимательно - видимо, боялся за свое доброе имя. По паспорту мне было девятнадцать.

- Хотите выпить? - спросил он.

- Я уже заказала, - ответила я. - Сейчас принесут. Скажите, а вы всем девушкам так говорите - про голубой детский сон?

- Нет, только вам. Я такого раньше не говорил ни одной девушке.

- Понятно. Я тогда вам тоже скажу одну вещь, которую до этого не говорила ни одному мужчине. Вы похожи на капитана Немо.

- Из «Восемьдесят тысяч лье под водой»?

Ого, подумала я, какой начитанный портфельный инвестор.

- Нет, из американского фильма «Общество выдающихся джентльменов». Там был похожий на вас выдающийся джентльмен. Бородатый подводный каратист в синем тюрбане.

- Что, фильм по Жюль Верну?

Мне принесли коктейль. Он оказался маленьким – всего шестьдесят грамм.

- Нет, в нем собрали вместе всех суперменов девятнадцатого века – Капитана Немо, человека-невидимку, Дориана Грея и так далее.

- Да? Оригинально.

- Ничего оригинального. Экономика, основанная на посредничестве, порождает культуру, предпочитающую перепродавать созданные другими образы вместо того, чтобы создавать новые.

Я слышала эту фразу от одного левого французского кинокритика, который кинул меня на триста пятьдесят евро. Не то чтобы я была с ним полностью согласна, просто каждый раз, когда я повторяла эти слова в разговоре с клиентом, мне казалось, что кинокритик отработывает несколько условных единиц. Но для сикха это было слишком.

- Простите? – наморщился он.

- Короче, удивительно похожий на вас персонаж был этот Немо. Усы, борода... Он еще на своей подводной лодке молился богине Кали.

- Тогда вряд ли между нами много общего, – улыбнулся он. – Я не поклоняюсь богине Кали. Я сикх.

– Я очень уважаю сикхизм, – сказала я. – Мне кажется, это одна из самых совершенных религий в мире.

– Вам известно, что это такое?

– Да, конечно.

– Слышали, наверно, что сикхи – это такие бородачи в тюрбанах? – засмеялся он.

– Меня в сикхизме привлекают не его внешние атрибуты. Меня восхищает его духовная сторона, особенно бесстрашие перехода от опоры на живых учителей к опоре на книгу.

– Но ведь так же обстоит и во многих других религиях, – сказал он. – Просто у нас вместо Корана или Библии – Гуру Грант Сахиб.

– Но нигде больше к книге не обращаются как к живому наставнику. Кроме того, нигде нет такой революционной концепции Бога. Меня больше всего поражают две черты, которые радикально отличают сикхизм от всех остальных религий.

– Какие же?

– Во-первых, признание того факта, что Бог создал этот мир вовсе не с какой-то возвышенной целью, а исключительно для своего развлечения. На такое никто до сикхов не отваживался. И, во-вторых, богонаходительство. В отличие от других систем, где есть только богоискательство.

– А что это такое – богоискательство и богонаходительство?

– Помните эту апорию с казнью на площади, которая часто приводится в комментариях к сикхским священным текстам? Кажется, она восходит к гуру Нанаку, но полной уверенности у меня нет.

Сикх выпучил коричневые глаза и сразу сделался похож на рака.

– Представьте себе базарную площадь, – продолжала я. – В ее центре стоит окруженный толпой эшафот, на котором рубят голову преступнику. Довольно

обыкновенная для средневековой Индии картина. И для России тоже. Так вот, богоискательство – это когда лучшие люди нации ужасаются виду крови на топоре, начинают искать Бога и в результате через сто лет и шестьдесят миллионов трупов получают небольшое повышение кредитного рейтинга.

– О да, – сказал сикх. – Это огромное достижение вашей страны. Я имею в виду улучшение кредитного рейтинга. А что такое богонаходительство?

– Когда Бога находят прямо на базарной площади, как сделали учителя сикхов.

– И где же он?

– Бог в этой апории является казнящим и казнимым, но не только. Он является толпой вокруг эшафота, самим эшафотом, топором, каплями крови на топоре, базарной площадью, небом над базарной площадью и пылью под ногами. И, разумеется, он является этой апорией и – самое главное – тем, что сейчас ее слышит...

Я не уверена, что такой пример можно назвать апорией, поскольку в нем нет неразрешимого противоречия – хотя, может быть, оно как раз в том, что Бога находят посреди крови и ужаса. Но у сикха этот термин не вызвал возражений. Он выпучил глаза еще сильнее и стал похож не просто на рака, а на такого рака, который догадался наконец, почему вокруг стоят эти огромные пивные кружки. Пока он размышлял над моими словами, я спокойно допила коктейль – что такое Drambuie, мне так и не стало ясно. Сикх, надо сказать, выглядел живописно – он словно бы балансировал на границе озарения, и легкого внешнего толчка могло хватить, чтобы неустойчивое равновесие его рассудка сместилось.

Так оно и вышло. Как только мой стакан коснулся стола, он пришел в себя. Достав из бумажника карточку «Diners Club Platinum» с голографическим Че Геварой, он постучал ей по столу, подзывая официанта. Потом положил руку мне на ладонь и прошептал:

– А не пора ли в номер?

* * *

Название «Националь» предполагает репрезентацию национального вкуса. В России он эклектичный, что и отражает обстановка: ковер на лестнице покрыт классическими королевскими лилиями, витражи в окнах – модерн, а в подборе картин на стенах вообще трудно обнаружить какой-нибудь принцип. Церкви, букеты цветов, лесные чащи, крестьянские старушки, сцены из версальского быта, среди которых вдруг мелькнет Наполеон, похожий на синего попугая с золотым хвостом...

Впрочем, это только с первого взгляда между картинами нет ничего общего. На самом деле их объединяет главная художественная особенность – они продаются. Как только вспоминаешь об этом, становится видно удивительное стилистическое единство интерьера. Больше того, понимаешь, что нет никакой абстрактной живописи, а только конкретная. Глубокая мысль, я даже хотела записать ее, но при клиенте было неловко.

Мы остановились у стеклянной двери в номер триста девятнадцать, и сикх, знойно улыбнувшись, вставил в замок ключ-карточку. У него был номер VIP – такие здесь стоят долларов шестьсот в сутки. За двойной дверью была маленькая бизнес-гостиная: полосатый диван с высокой спинкой, два кресла, факс и принтер, пальма в кадке и шкафчик с антикварной посудой. Из окна открывалась панорама улицы, с которой виден Кремль. Это категория «Б». Здесь есть еще категория «С» – когда из окна видна улица, с которой видна другая улица, с которой виден Кремль.

– Где ванная? – спросила я.

Сикх принялся развязывать галстук.

– Мы спешим? – спросил он игриво. – Вон там.

Я открыла дверь, на которую он указал. За ней была спальня. Почти все пространство занимала огромная двуспальная кровать, а в углу комнаты была маленькая дверь в ванную, которую я даже не сразу заметила. Все правильно, размеры вещей должны быть пропорциональны месту, которое они занимают в жизни. Номер приближался к идеальному, поскольку был структурирован в точности как VIP-жизнь. Работе соответствовала бизнес-гостиная – получил факс, отправил факс, посидел на полосатом диванчике, поглядел на пальму в кадке, а если пальма надоела, повернул голову и глядишь на посуду в

шкафчике. Личной жизни соответствовала спальня с кроватью во всю комнату: принял снотворное и спать. Ну или как сейчас.

Войдя в ванную, я включила душ и стала готовиться к работе. Это было нетрудно – я просто чуть приспустила штаны и высвободила хвост. Воду я включила для маскировки.

Я чувствую, что дошла до точки, где необходимы некоторые пояснения, иначе мое повествование будет звучать диковато. Поэтому мне придется сделать паузу и сказать о себе несколько слов.

У лис нет пола в строгом смысле, и если про нас говорят «она», это в силу внешнего сходства с женщинами. На самом деле мы подобны ангелам, то есть у нас нет репродуктивной системы. Мы не размножаемся, потому что не стареем и можем жить до тех пор, пока нас что-нибудь не убьет.

Если описать нашу внешность, тело у нас тонкое и стройное, без капли жира, с великолепной рельефной мускулатурой – как бывает у некоторых спортивных подростков. Волосы огненно-рыжего цвета, тонкие, шелковистые и блестящие. Рост у нас высокий, и в древние времена это нас часто выдавало, но сейчас люди стали выше, и мы совершенно не выделяемся среди них по этому признаку.

Хоть пола в смысле способности к воспроизводству у нас нет, все его внешние признаки присутствуют – за мужчину лису не примешь. Нормальные женщины обыкновенно считают нас лесбиянками. Что думают про нас лесбиянки, тоже понятно: «я сошла с ума, я сошла с ума...» И неудивительно. Даже самые красивые женщины рядом с нами кажутся грубыми заготовками – как наспех обтесанная глыба камня рядом с готовой скульптурой.

Грудки у нас небольшие, совершенной формы, с маленькими темно-коричневыми сосками. Там, где у женщины расположена главная фабрика грез, у нас нечто внешне похожее – орган-симулякр, о назначении которого я расскажу позже. Для деторождения он не служит. А сзади у нас хвост, пушистая гибкая антенна огненно-рыжего цвета. Хвост может становиться больше и меньше: в спящем состоянии он похож на пони-тэйл длиной в десять-пятнадцать сантиметров, а в рабочем – может вытянуться почти до метра длиной.

Когда лисий хвост увеличивается, рыжие волоски на нем тоже становятся гуще и длиннее. Это похоже на фонтан, напор которого увеличили в несколько раз (параллели с мужской эрекцией я бы проводить не стала). Хвост играет в нашей жизни особую роль, и не только из-за своей удивительной красоты. Я не зря назвала его антенной. Хвост – орган, с помощью которого мы создаем наваждения.

Как мы это делаем?

С помощью хвоста. И больше ничего тут не скажешь. Я не собираюсь утаивать правду, но к этому действительно трудно что-нибудь добавить. Разве человек, если он не ученый, может объяснить, как он видит? Или слышит? Или думает? Видит глазами, слышит ушами, а думает головой, вот и все. Так и мы – наводим морок хвостом. Ощущение от этого такое же простое и ясное, как в приведенных примерах. А объяснить механику происходящего в научных терминах я не берусь.

Что касается наваждений, то они могут быть разной природы. Здесь все зависит от личных качеств лисы, ее воображения, духовной силы и особенностей характера. Большую роль играет то, сколько человек должны увидеть наваждение одновременно.

Когда-то мы могли многое. Мы могли наводить иллюзии волшебных островов, показывать пляшущих в небе драконов тысячным толпам. Могли создавать видимость огромного войска, приближающегося к стенам города, и все горожане видели эту армию одинаково, вплоть до деталей экипировки и надписей на знаменах. Но это были великие, несравненные лисы древности, которые заплатили за свое чудотворство жизнью. А в целом наш род с тех пор сильно деградировал – наверно, из-за постоянной близости к людям.

У меня силы, конечно, совсем не те, что у великих лис. Скажем так, одного человека я могу заставить увидеть все что угодно. Двух? Почти всегда. Трех? Это уже зависит от обстоятельств. Здесь нет четких правил, и все решает ощущение: я чувствую свои возможности, примерно как скалолаз, стоящий у расщелины в горах. Он знает, где можно перепрыгнуть с одного края на другой, а где нет. Если не допрыгнешь, сорвешься в пропасть – аналогия с нашим колдовством очень точная.

Лучше не пытаться выйти за свои границы, потому что наваждение, сила которого недостаточна, чтобы полностью подчинить чужое сознание, выдает нас с головой. Механизм происходящего сложен, но внешний результат всегда один – когда человек внезапно выходит из-под гипнотического контроля (соскакивает с хвоста, как мы говорим), с ним случается припадок с непредсказуемыми последствиями. Чаще всего он пытается убить лису, которая в этот момент совсем беззащитна.

Дело в том, что в нашем спорте есть одна пикантная особенность. В нерабочем состоянии наш хвостик совсем маленький, поэтому мы прячем его между ног. Чтобы антенна заработала на полную мощность, ее нужно раскрыть. Для этого надо спустить штаны (или поднять юбку) и распустить хвост в огненно-рыжий шлейф. Сила внушения при этом возрастает во много десятков раз, и все серьезные вопросы решаются именно так.

Необходимость заголяться была бы чревата неловкими и двусмысленными ситуациями – но, на счастье лис, здесь есть одно удобное обстоятельство. Если успеть заголиться достаточно быстро, реципиент забудет все, что видел. Существует как бы зона сумрака, десяток-другой выпадающих из памяти секунд, за которые мы должны успеть осуществить этот маневр. То же самое бывает и при обмороке – придя в себя, человек не помнит случившегося непосредственно перед приступом.

Ну и последнее, что мне следует сказать. Мы питаемся обычной пищей (довольно близко к диете Аткинса). Но кроме этого мы в состоянии напрямую усваивать человеческую сексуальную энергию, которая выделяется во время акта любви – реального или воображаемого. И если обычная пища просто поддерживает химическое равновесие нашего тела, то сексуальная энергия похожа на главный витамин, который делает нас обворожительными и вечно юными. Вампиризм? Не уверена. Мы ведь просто подбираем то, чем разбрасывается неразумный человек. И если своей расточительностью он доводит себя до смерти, стоит ли обвинять нас?

В некоторых книгах про лис пишут, что они не моются – мол, так их и узнают. Это не потому, что мы грязнули. Просто избыток сексуальной энергии пропитывает нас бессмертной природой изначальной основы, и наше тело очищается само за счет вдыхаемой утренней свежести. А легкий запах, который оно источает, чрезвычайно приятен и напоминает одеколон «Essenza di Zegna», только прозрачнее, легче и без этого жаркого чувственного мистрала на

дальнем заднем плане.

Теперь, надеюсь, мои действия станут яснее. Итак, я включила воду, чтобы клиент слышал ее шум, потом расстегнула штаны и чуть спустила их, высвободив хвост. Затем, стараясь не спешить, сосчитала до трехсот (пять условных минут) и открыла дверь.

* * *

В популярных изложениях теории относительности часто предлагается сравнить, что снимут две камеры – одна в независимой системе координат, а другая на голове астронавта. В нашем случае правильнее было бы говорить «в голове». Что показала бы камера в голове сикха? Дверь ванной раскрылась, и в комнату шагнула девушка его мечты из голубого детского сна. Вокруг ее тела было обернуто ослепительно белое полотенце.

Выйдя из ванной, девушка подошла к кровати, откинула одеяло и спряталась под него, еле заметно покраснев: по всему было видно, что она в бизнесе недавно и еще не научилась профессиональному бесстыдству. Это увидел сикх.

Я не знаю, есть ли в номерах «Националя» камеры, установленные в независимой системе координат. Персонал уверяет, что нет. Но если бы они были, то показали бы следующее:

1) никакого полотенца на девушке не было. Она вообще не думала раздеваться, только чуть спустила штаны, над которыми торчал похожий на плюмаж хвост.

2) девушка не вошла в комнату, а вползла в нее на четвереньках, и ее хвост, качнувшись в воздухе, застыл над спиной рыжим вопросительным знаком.

3) она походила не столько на невесту, сколько на изготовившегося к прыжку зверя – ее зеленые глаза глядели зло и внимательно, и на лице не было даже тени улыбки.

4) поскольку слово «невеста» в современном русском языке означает нечто весьма близкое к выражению «изготовившийся к прыжку зверь»,

противопоставление здесь неуместно.

Увидев меня, сикх поднял брови и покачнулся. Когда человек попадает под гипноудар, по его лицу проходит словно бы тень тонкого отвращения, как при щелчке пули по черепу: если кто видел документальные съемки вьетнамских расстрелов, он поймет, о чем я говорю. Только после моей пули клиент не падает.

Улыбнувшись, сикх побрел к пустой кровати, по дороге стаскивая с себя пиджак. Дождавшись, пока он устроится на ней поудобнее, я села на стул рядом и раскрыла свою сумочку.

Я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием, поэтому избегаю смотреть на клиента после того, как начинается платное время. Даже рассказывать о том, что происходит с человеком во время свидания с лисой, стыдно. Стыдно прежде всего за человека, так как выглядит он ужасно. Ну и за себя немного неловко, поскольку с человеком все это происходит не просто так.

Я не желтая пресса, чтобы углубляться в скабрзные детали, поэтому скажу только, что человек ведет себя особенно неприглядно тогда, когда начинает воплощать в жизнь свои сексуальные фантазии. Его одиночество на ринге возводит эту непристойность в квадрат. Если же этот человек к тому же носит на голове синий тюрбан и настолько волосат, что его борода кажется растущей по всему телу, можно смело говорить не о квадрате, а о кубе.

Поддерживать наваждение значительно проще, чем создавать его, врываясь в чужой ум. Все решает первая секунда, дальше начинается рутина. Тем не менее, пока клиент находится в мире иллюзий, далеко отходить от него не следует, поскольку приходится выполнять функции сиделки. Смотреть же на пациента, как я уже объяснила, бывает тяжело. Поэтому я обыкновенно беру с собой книгу. Так было и на этот раз – устроившись рядом с кроватью, я открыла «Краткую историю времени» Стивена Хокинга, где написано много интересного о разных системах координат. Я несколько раз прочла эту книгу от корки до корки, но она до сих пор мне не надоела, и я каждый раз смеюсь так, будто читаю ее впервые. У меня даже есть подозрение, что это пост-модернистская забава, этакий розыгрыш. Даже само имя Stephen Hawking подозрительно напоминает другого автора ужастиков, которого зовут Stephen King. Только ужасы здесь иного рода.

Сикх оказался сравнительно смирным – он бормотал что-то на родном языке и елозил в самом центре кровати. Можно было не опасаться, что он упадет на пол. Все-таки я, как и положено сиделке, изредка поглядывала на больного. Когда ему надоело обнимать пустоту сверху, он принялся прижиматься к ней сбоку. Потом опять залез наверх.

К этому зрелищу трудно привыкнуть. У людей происходят мышечные спазмы, и клиент в эти минуты выглядит так, словно действительно лежит на невидимом теле. Весь его вес покоится на неловко подвернутых кистях, а иногда и пальцах. Специально человек и нескольких секунд не продержался бы в такой позе, а в трансе может находиться в ней часами. Но подобные феномены многократно описаны в литературе, посвященной гипнозу, и нобелевки мне за это открытие не дадут. Да и не нужна мне людская слава. Мне от людей вообще ничего не нужно, кроме любви и денег.

Тот способ поддержания вечной юности, который открыт для меня на Всеобщем Пути Вещей, всегда казался мне немного постыдным, хотя обвинения в вампиризме я отвергаю. Никакого удовольствия от воровства чужой жизненной силы я не получаю и не получала. Морального удовольствия, я хочу сказать. Физиологический аспект здесь непобедим, но нравственной оценке он не подлежит: самый сострадательный к животным человек может с урчанием поедать на обед кровавый стейк, и противоречия здесь нет. Кроме того, в отличие от людей, которые убивают животных, я уже несколько веков никого не лишаю жизни. Сознательно, во всяком случае. Несчастные случаи бывают, но проведенная со мной ночь менее опасна, чем полет на российском вертолете в условиях средней видимости. Люди ведь летают на вертолетах в условиях средней видимости? Летают. Вот и я такой вертолет.

Кроме того, я не считаю, что забираю энергию у кого-то персонально. Человек, который ест яблоко, вовсе не вступает с этим яблоком в личные взаимоотношения, он следует установленному порядку вещей. Я рассматриваю свою роль в пищевой цепочке аналогично. Энергия, которая служит для зарождения жизни, не принадлежит людям. Вовлекаясь в акт любви, человек становится ее каналом, превращаясь из закупоренного сосуда в трубу, которая на несколько секунд соединяется с бездонным источником жизненной силы. Мне нужен только доступ к этому источнику, и все.

– А теперь ляг на животик, детка, – сказал сикх. – Пора заняться кое-чем посерьезнее.

Анальный секс – любимый спорт портфельных инвесторов. У этого есть простое психоаналитическое объяснение – достаточно сравнить тюремный жаргонизм «толкать говно» с выражением «вкладывать деньги», и все станет ясно. Я к анальному сексу отношусь положительно. При нем из мужского организма выбрасывается особенно много жизненной силы, и это лучшее время для сбора энергии.

Отложив книгу, я закрыла глаза и сделала обычную визуализацию – инь-ян, окруженный восемью пылающими триграммами. Затем я представила себя в виде черной половинки этого знака, а сикха – в виде белой. В центре черной половинки зажглась белая точка, а в центре белой – появилась такая же черная. Белая половинка стала темнеть, а черная светлеть, пока они не поменялись местами. Вся энергия ситуации теперь была у меня. На взгляд дилетанта это самый выгодный момент для расстыковки. Но я работаю только по методу «невеста возвращает серьгу» – как его поэтично назвали в Серединном Государстве лет шестьсот тому назад.

Если вы крадете чужую жизненную силу, важно не разгневаться небо и духов своей жадностью. Поэтому я позволила ситуации войти в фазу переразвития. Поток энергии остановился, затем повернул назад. Моя визуализация стала быстро меняться: в центре светлой половинки инь-яна возникло черное пятнышко, а в темной появилось такое же белое. И только когда они стали отчетливо видны, я разорвала энергетическую связь и растворила визуализацию в пустоте.

После крупного выигрыша в казино не следует сразу уходить – лучше немного проиграть, чтобы не вызывать в людях злобы. То же и в нашем деле. В древние времена множество лис было убито исключительно из-за жадности. Тогда мы поняли – надо делиться! Небо не так хмурится, когда мы проявляем сострадание и отдаем часть жизненной силы назад. Это может показаться пустяком, но разница здесь – как между воровством и залоговым аукционом. Формально духам в этом случае карать не за что. А совесть все равно не обманешь, поэтому про нее можно не думать.

Поднявшись с кровати, сикх побрел в ванную. Вернувшись, он лег на спину, закурил сигарету и стал расслабленно рассказывать соседней подушке какую-то историю из жизни. Мужчины после коитуса становятся словоохотливыми и добрыми примерно на полчаса, это связано с мозговым выбросом дофамина,

награждающего за выполненный долг. Я не особо слушала. Мне хотелось дочитать, как ведет себя черная дыра, когда из-за гравитационного коллапса ее диаметр становится меньше горизонта событий.

В этих астрофизических моделях мне чудился эротический подтекст, и у меня зрело убеждение, что Стивен Хокинг пишет не о физике, а о сексе – но не о жалком человеческом соитии, а о грандиозном космическом коитусе, от которого зародилась материя. Недаром ведь по-английски «большой взрыв» звучит так же, как «большой трах» – Big Bang. Все самое сокровенное во вселенной скрыто мраком черных дыр, но в сингулярность нельзя заглянуть, поскольку оттуда, как из спальни с выключенным торшером, не доходит свет... В сущности, думала я, астрофизики те же вуайеристы. Но вуайеристам иногда удается увидеть чужой акт любви в просвете между занавесками, а физики настолько обделены судьбой, что им приходится воображать абсолютно все, глядя в чернильную тьму...

Докурив и договорив, сикх снова принялся за дело – устроился на боку и надолго ушел в работу. Мерный скрип пружин убаюкивал. И я совершила самую глупую оплошность, на которую только способна лиса в рабочее время. Я заснула.

Я, собственно, только клюнула носом и сразу проснулась опять. Но этого было достаточно. Я почувствовала, что контакта с сикхом у меня нет. Подняв взгляд, я встретила его выпученные глаза. Он видел меня, видел как есть, сидящей на стуле со спущенными штанами и торчащим из-за спины хвостом. А такой меня не должен наблюдать никто, кроме зеркал и духов.

* * *

Я первым делом подумала, что передо мной даос-заклинатель. Эта мысль была предельно нелепой, потому что:

- 1) последний даос, умевший охотиться на лис, жил в восемнадцатом веке.
- 2) даже если кто-нибудь дотянул бы до нашего времени, он вряд ли сумел бы замаскироваться под бородатого сикха с оксфордским выговором – too freaking much.

3) поскольку я работаю по методике «невеста возвращает серьгу», у даосов нет формального права открывать на меня охоту.

4) даосы никогда не кончают три раза подряд.

Но наш генетический страх перед заклинателями нечисти очень силен, и в минуту опасности мы всегда думаем о них. Как-нибудь я расскажу пару историй об этих типах, тогда мои чувства станут понятнее.

Через секунду я поняла, что никакой это не даос, а просто мой клиент соскочил с хвоста. Зрелище было жуткое. Сикх открывал и закрывал рот, словно рыба на берегу. Потом, пытаясь подчинить себе непослушное тело, он поднял перед собой руки и стал сжимать и разжимать пальцы. Затем издал несколько хриплых стонов и вдруг резво вскочил на ноги.

Тут мое оцепенение прошло, и я кинулась в ванную. Сикх бросился за мной, но я успела запереть дверь перед его носом. В минуту опасности мой ум работает быстро; я сразу поняла, что надо делать.

В каждой ванной комнате «Националя» есть красно-белый шнурок, свисающей из дырочки в стене. Я не знаю, к чему он подключен, но если за него дернуть, через десять секунд в номере зазвонит телефон, а еще через минуту в дверь постучат. Я дернула сигнальный шнур и кинулась назад к двери.

Следующие несколько минут были довольно волнительны. Вздрагивая от толчков, я ждала охрану и считала про себя, стараясь не спешить. Сикх бился в дверь изо всех сил, но мне удавалось сдерживать его без особого труда – мужчина он был некрупный.

Телефон зазвонил на двадцатой секунде. Сикх, естественно, к нему не подошел. Когда через минуту или две удары прекратились, я поняла, что в номере люди. Это было очень кстати – петли уже начинали выворачиваться. Донесся шум опрокидываемой мебели, звон выбитого стекла и неразборчивый крик, похожий на «кали ма!». Кричал сикх. Затем наступила тишина, которую нарушали только далекие гудки машин.

- Все, пиздец, - сказал мужской голос. - Не уберегли.

- Хорошо, сами убереглись, - сказал другой.

- Тоже верно, - ответил первый.

Лучше было дать о себе знать самой, чем дожидаться, пока меня найдут. Я жалобно позвала:

- Помогите!

Дверь открылась.

На пороге ванной стояли два шкафа - темные очки, костюмы, провода телесного цвета, спускающиеся из ушей... Просто культ агента Смита, подумала я. Кстати, была бы отличная религия для служб безопасности - ведь поклонялись римские легионеры Митре.

Один из охранников забормотал себе под нос - я разобрала только «триста девятнадцатый» и «вызов». Он обращался не ко мне.

Насколько я знаю, микрофон у них спрятан за лацканом пиджака, поэтому часто кажется, что они говорят сами с собой. Иногда это выглядит очень смешно. Один раз я видела, как такой громила осматривал женский туалет - распахивал двери в кабинки и говорил нараспев: «Здесь никого... Здесь тоже никого... Окно закрыто выступом стены...» Если б я не знала, в чем дело, могла бы решить, что он грустит о несостоявшейся встрече, отливая свою печаль в ямб.

- За шнур ты дергала? - спросил второй охранник.

- Я, - сказала я. - А где...

Охранник кивнул на распаханное окно с выбитым стеклом.

- Вон там.

- Он что, - я сделала круглые глаза, - он...

- Да, - сказал охранник. - Как бешеный кинулся, когда нас увидел. Наркотики принимали?

- Какие наркотики? Я уже год здесь работаю. Меня все знают, проблем никогда не было.

- Появились. Чего он от тебя хотел?

- Я даже не поняла, - сказала я. - Хотел, чтобы я ему какой-то фистинг сделала. Я сказала, что не умею, тогда он стал... Ну, в общем, я спряталась в ванной и дернула сигнализацию. А остальное вы видели.

- Да уж. Документы с собой?

Я отрицательно покачала головой. Дашь таким паспорт, назад не получишь.

- Может, я пойду? Пока менты не приехали?

- Куда - пойду? С ума сошла? Ты главный свидетель, - сказал охранник. - Будешь показания давать, чем вы тут занимались.

Это в мои планы не входило. Я оценила ситуацию. Пока передо мной были всего двое, сохранялся шанс замять дело. Но с каждой секундой он уменьшался - я знала, что скоро народу здесь будет полная комната.

- Можно мне в туалет?

Охранник кивнул, и я вернулась в ванную. Действовать следовало быстро, поэтому я не колебалась ни секунды. Спустив штаны, я высвободила хвост, нагнулась и распахнула дверь. Я сделала это резко, и охранники немедленно повернули ко мне лица.

Я считаю, что человек лучше всего раскрывается в ту секунду, когда он уже заметил лисий хвост, но еще не попал под власть внушения. Обычно клиенту хватает времени показать свое отношение к увиденному. Этого достаточно,

чтобы понять, с кем имеешь дело.

Ограниченные и пошлые неудачники кривят лицо в гримасу хмурого недоверия. Зато на лицах людей, у которых есть потенциал для внутреннего роста, отражается нечто похожее на удивленную радость.

Один из охранников наморщился. Второй выпучил глаза (видно было даже сквозь очки) и открыл рот, словно ребенок, который увидел обещанную фотографом птичку. Выглядело это очень мило.

Я не могла, конечно, совсем убрать свой отпечаток из их памяти – для этого надо стрелять из пистолета в голову. Я могла только поменять контекст воспоминания – и я внушила им, что они встретили меня в коридоре по пути в номер. Затем я заставила их войти в ванную. Как только за ними закрылась дверь, я подняла с пола книгу Стивена Хаукинга, кинула ее в сумочку, натянула штаны и выскочила в коридор.

На лестнице стоял еще один охранник. Увидев меня, он сделал мне знак подойти. Когда я приблизилась, он провел ладонью по моим ягодицам, заставив меня как можно плотнее вжать между ними хвостик. В другой ситуации он получил бы за это как минимум синячный щипок. Но сейчас было неясно, чем все закончится, и я предпочла шлепнуть его по руке. Он погрозил мне пальцем, а затем этот жест плавно перетек в другой: его большой и указательный пальцы соединились и потерлись друг о друга.

Я поняла. Обычно девушки вроде меня отдают сто долларов на выходе, но тут, в силу форс-минорных обстоятельств, предлагалось осуществить расчет на месте. Я вынула из кошелька бенджаминку, которую охранник подцепил теми же пальцами, которые только что терлись друг о друга. В экономичности этого движения была своеобразная красота – погрозил, напомнил, взял. Ни одного лишнего сокращения мышц. Как говорил японский фехтовальщик Минамото Мусаси, мастера видно по стойке.

Спустившись по украшенной лилиями лестнице, я без приключений выбралась на улицу. Справа от выхода уже собралась толпа, в которой было несколько милиционеров – видимо, там лежал бедняжка сикх. Я пошла в другую сторону и через несколько шагов оказалась за углом. Теперь оставалось поймать такси. Оно остановилось почти сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Я хочу быть вечно молодым (англ.).

2

Текильный рассвет, Голубая лагуна, Секс на пляже, Отвертка, Кровавая Мэри, Закат в Малибу, Зомби.

3

Ржавый гвоздь.

Купить: <https://telnovel.com/viktor-pelevin/svyaschennaya-kniga-oborotnya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)